

Лев Толстой

Война и мир

Книга 1

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Иллюстрация на фронтисписе:
Лев Толстой. Фотография С. Л. Левицкого
1856 год

*Текст печатается по изданию: Толстой Л. Н. Собрание сочинений
в 22 томах. Т. 4–7. — М.: Художественная литература, 1978.*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

Толстой Л.

Т53 Война и мир : в 2 кн. / Лев Толстой. — М. : Альпина Паблишер, 2025.
Кн. 1. Т. 1, 2. — 736 с.: ил. — (Главные книги русской литературы).

ISBN 978-5-9614-9085-5

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9085-5

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ
для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца
авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке
издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.*

© Оборин Л., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2025

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Корректоры *М. Смирнова, М. Стимбириц*
Компьютерная верстка *М. Поташкин*
Художник *Ю. Буга*

Подписано в печать 23.09.2024.
Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 46,0 печ. л. Тираж 3000 экз.
Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»

123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

ООО «Альпина Паблишер», 115093, г. Москва,
вн. тер. г. муниципальный округ Замоскворечье,
ул. Щипок, д. 18, ком. 1; ОГРН 1027739552136

Знак информационной продукции
(Федеральный закон
№436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

12+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии
Shenzhen Huaxin Colour Printing & Platemaking Co., Ltd. China

Предисловие «Полки»

*Главный русский роман — для России и всего
человечества. Всеохватная военная эпопея,
подробная и проникательная семейная хроника,
историософский трактат — все это в одной
(очень большой) книге.*

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

«Война и мир» — огромная сага, с равной глубиной рассказывающая о событиях различного масштаба: от частной жизни нескольких семей и конкретных сражений 1812 года до движения народов и истории вообще. Благодаря масштабу замысла, точности психологических наблюдений и жанровой универсальности эпопея Толстого остается в культурной памяти главным русским романом.

КОГДА ОНА БЫЛА НАПИСАНА?

В 1856 году Толстой задумал повесть о возвращении декабриста из ссылки, но со временем все больше отклонялся от первоначального замысла. «Войну и мир», сначала носившую название «1805 год», он начал писать в феврале 1863-го. Работе предшествовали и сопутствовали длительное изучение архивов и исторических источников, разговоры с участниками Отечественной войны. Толстой закончил роман в 1869 году, тогда же завершилась и публикация.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Благодаря масштабу романа Толстой получает несколько взаимосвязанных возможностей. Говоря с позиции

всезнающего автора, он входит в мельчайшие подробности психологии своих героев, анализирует их далеко не всегда предсказуемое поведение: нам становится известно, что означают их тайные мысли, мимика, жесты. С этой же авторитетной позиции Толстой, говоря об истории, делает предельные обобщения — переходит от описания исторических событий к анализу их причин. Стиль семейного, бытового романа он скрещивает со стилем научного трактата.

Рукописи «Войны и мира» составляют 4700 листов: Толстой многократно переписывал уже готовые места, отказывался от многих первоначальных идей. По выражению Виктора Шкловского, «Толстой хотел написать один роман, а написал другой»: работа над романом изменила его воззрения на историю и подход к созданию литературных героев. В итоге «Война и мир» — роман не только исторический, семейный, философский, но и моральный.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Толстой начал публиковать роман в «Русском вестнике»^{*1} частями — тогда он еще назывался «1805 год». С 1867 года он стал выходить отдельным изданием — в шести томах. Для третьего переиздания 1873 года Толстой переработал роман

^{*1} Литературный и политический журнал (1856–1906), основанный Михаилом Катковым. В конце 50-х редакция занимает умеренно либеральную позицию, с начала 60-х

радикально (избавился от значительной части историософских размышлений и французских пассажей), в последующих переизданиях он отменял эти поправки и вносил новые изменения — в итоге, как писал Борис Эйхенбаум, у нас нет «окончательного, несомненного, “канонического” текста “Войны и мира”». В настоящее время текст печатается по второму изданию, но разбиение на четыре тома осталось от третьего.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Работая над «Войной и миром», Толстой пользовался разными источниками: это исторические труды о 1812 годе, с которыми Толстой полемизировал, и мемуары русских дворян и иностранцев начала XIX века. Для «Войны и мира» очень важны европейская и русская традиции семейного романа, а также относительно недавние художественные открытия: например, известно, что на батальные сцены «Войны и мира» серьезно повлияла проза Стендаля, а на формирование всего замысла — «Отверженные» Гюго. Однако в том, что касается проникновения в психологию

героев, Толстой опирался главным образом на собственные эксперименты — постоянно совершенствующееся искусство интроспекции^{*1}, уже знакомое его читателям по «Детству», «Отрочеству», «Юности», «Казакам», «Двум гусарам». Толстому помог и боевой опыт, полученный на Крымской войне и запечатленный в «Севастопольских рассказах»: впервые в русской литературе война была показана через хаос, известный ее непосредственным участникам.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Роман, выходявший частями, сразу начал получать отзывы критиков. Многие рецензии были полны разочарования: критики пеняли Толстому на слишком медленное и недостаточное развитие сюжета, то есть отсутствие в романе самого романа; за исторические и философские рассуждения, которые они называли «диссертацией», «мистическими умозаключениями» или «плохим конспектом»; за длинные французские фразы; за исторические неточности и беспристрастность изображения исторических персонажей, которую

«Русский вестник» становится все более консервативным и даже реакционным. В журнале в разные годы были напечатаны центральные произведения русской классики: «Анна Каренина» и «Война и мир» Толстого, «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» Достоевского, «Накануне» и «Отцы и дети» Тургенева, «Соборяне» Лескова.

^{*1} Интроспекция — самонаблюдение, самопознание, изучение собственного внутреннего мира; речь может идти как об интроспекции рассказчика, так и об интроспекции героев. Интроспекция — один из методов психологического реализма в литературе.

эти критики считали как раз пристрастностью (интересно, что некоторые критические замечания Толстой учел при дальнейшей переработке произведения). Роману доставалось и от критиков, которых в литературе интересовала в первую очередь идеология, прогрессивная или традиционная: от первых (например, Дмитрия Писарева) — за воспевание «старого барства», от вторых (например, от Петра Вяземского) — за превращение славной истории 1812 года в «пасквиль». Разочарование высказывали и читавшие роман от части к части коллеги Толстого, например Иван Тургенев. Несмотря на это, читательский успех «Войны и мира» был очень шумным: все обсуждали роман и ждали продолжения.

Должно было пройти время, чтобы «Войну и мир» восприняли как целое. Между тем некоторым современникам масштаб толстовского замысла был ясен еще до завершения работы: важнейшие критические статьи Павла Анненкова^{*1} и Николая Страхова^{*2} о «Войне и мире» вышли в 1868 году. Страхов

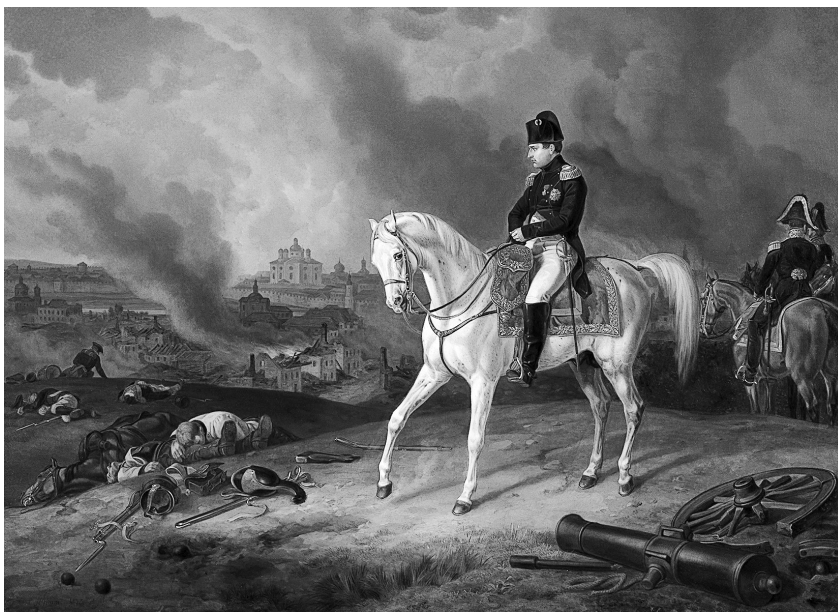
задал отношение к «Войне и миру», сохраняющееся до сих пор: именно он впервые назвал «Войну и мир» эпопеей, а Толстого — реалистом-психологом, показал, что успех романа зависит не от самой темы, а от художественного уровня текста. Когда роман Толстого был полностью опубликован, Страхов написал: «В “Войне и мире” мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто от нас не отнимет». Почти ни одна из позднейших оценок не подвергала значимость «Войны и мира» сомнению.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

После «Войны и мира» Толстой некоторое время не брался за крупные вещи. Он вынашивал замысел романа из эпохи Петра I, но, как сам признавался, не смог вообразить эту эпоху с нужной точностью. Размышления о семье, гармонии, эгоизме, частном добре и зле привели его к созданию «Анны Карениной». О «Войне и мире» он впоследствии

^{*1} Павел Васильевич Анненков (1813–1887) — литературовед и публицист, первый биограф и исследователь Пушкина, основатель пушкинистики. Приятельствовал с Белинским, в присутствии Анненкова Белинский написал свое фактическое завещание — «Письмо к Гоголю», под диктовку Гоголя Анненков переписывал «Мертвые души». Автор воспоминаний о литературной и политической жизни 1840-х годов и ее героях: Герцене, Станкевиче, Бакуnine. Один из близких друзей Тургенева — все свои последние произведения писатель до публикации отправлял Анненкову.

^{*2} Николай Николаевич Страхов (1828–1896) — идеолог почвенничества, близкий друг Толстого и первый биограф Достоевского. Страхов написал важнейшие критические статьи о творчестве Толстого, до сих пор мы говорим о «Войне и мире», во многом опираясь именно на них. Страхов активно критиковал нигилизм и западный рационализм, который он презрительно называл «просвещенство». Идеи Страхова о человеке как «центральном узле мироздания» повлияли на развитие русской религиозной философии.

Альбрехт Адам. Наполеон перед горящим Смоленском. 1837 год

отзывался по-разному: от «Как я счастлив, что писать дребедени многословной вроде “Войны” я больше никогда не стану» до «Без ложной скромности — это как “Илиада”».

Подхваченное критикой и литературоведением представление о романе-эпопее, школьная канонизация, влияние на современников и потомков (от Флобера и Бунина до Пруста и Фолкнера), многочисленные экранизации утвердили «Войну и мир» в статусе одной из главных русских книг — и главных книг вообще. Она не устарела ни как галерея характеров и знаковых сцен, ни как художественное исследование психологии, ни даже как источник историко-софских концепций. «Мысль народная»,

«дубина народной войны» — все эти толстовские формулировки, заезженные на школьных уроках, в конце 1860-х были революционно новыми по отношению к общепринятой истории. С этой новизной читатель сталкивается, открывая «Войну и мир», отрешившись от представлений о ней и читая ее впервые — или как впервые.

В ЧЕМ НОВАТОРСТВО «ВОЙНЫ И МИРА»?

Одна из главных новаций Толстого — объединение беллетристического жанра романа с историко-софским трактатом. По мнению Виктора Шкловского, эту

идею Толстому подал Герцен, с которым Толстой в то время общался (один из циклов статей Герцена также назывался «Война и мир»), а саму ценность включения в художественный текст «социальной идеи» Толстой осознал, прочитав статьи Белинского. «Война и мир» воплощает эту идею на практике в небывалом для мировой литературы масштабе. Исторические персонажи у Толстого одновременно становятся героями литературного произведения и примерами для философских построений — своего рода соединительной тканью между двумя типами высказывания. Сами же философские построения оказываются, по выражению Дмитрия Святополк-Мирского, «не только искусством, но и наукой»¹ — в подтверждение этому можно вспомнить, что Толстой часто прибегает к логическим и даже математическим аргументам. Вместе с тем Толстой был в первую очередь художником, и пространственные отступления в сочетании с батальными сценами придают тексту должную эпическую возвышенность². Толстой-художник отчасти принимал упреки современников, которые считали философию в романе неуместной, и при радикальной переработке 1873 года выбросил из текста почти все философские рассуждения (и почти весь французский язык). При последующих переизданиях они были восстановлены.

Думая о «Войне и мире», мы делим ее не только на «войну» и «мир», но и на беллетристические и философские главы. При их разделении, устранении одного из этих элементов «Война и мир» распадается, перестает существовать — но даже если мы обратим внимание только на беллетристические, собственно «художественные» части, станет ясно, насколько глубоко Толстой проникает в человеческую психологию, подмечая порой малейшие, машинальные движения ума и чувств. Такова, например, ослышка Пьера Безухова во сне: слова будящего его берейтора*¹ «запрягать надо» превращаются в откровение о смысле жизни — «сопрягать надо». Таково словосочетание «остров Мадагаскар», которое Наташа механически произносит, тоскуя по уехавшему князю Андрею. Более того, Толстой не просто показывает события глазами своих героев — эти события имеют и индивидуальное, и типическое значение. Как писала Лидия Гинзбург, «в сражении, или на охоте, или в момент, когда семья встречает вернувшегося в отпуск сына, — все действующие лица действуют у Толстого согласно своим характеристам. Но самое важное для нас в этих сценах — это сражение, или охота, или возвращение молодого офицера в родной дом, как психологический разрез общей жизни»³. Возможно, это

*¹ Берейтор — объездчик молодых лошадей, учитель верховой езды, в том числе в кавалерийских полках русской армии XIX века.

и не «самое важное для нас», но Гинзбург верно определяет задачу Толстого: параллельно продемонстрировать индивидуальный и обобщенный опыт.

Этому помогают и вымышленные герои, и реальные исторические лица; еще одна новация Толстого в том, что Наполеон, Даву, Кутузов, Багратион у него не мифологизированы и не списаны из биографических сочинений — они действуют в романе на равных правах с Андреем Болконским, Николаем Ростовым или Анатодем Курагиным (как пишет Вольф Шмид, «в романе “Война и мир” Наполеон и Кутузов не менее фиктивны, чем Наташа Ростова и Пьер Безухов»⁴); на равных правах Толстой анализирует и их психологию. Отказ от идеализации, даже безжалостность — характерная черта «Войны и мира». Даже в центральных героях Толстой не скрывает «дурных мыслей»⁵: в князе Андрее — надменности и жажды славы, в Пьере — медлительности ума и готовности быть ведóмым, в Наташе — излишней непосредственности и, может быть, непрочности духовного начала. При этом развитие, биографическая канва персонажей, которые кажутся непредсказуемыми во время чтения, ретроспективно подчиняются ясной логике — так же как, по Толстому, отдельные воли людей

складываются в события, развивающиеся по законам истории. Так, в возмущающем многих превращении «тонкой, подвижной Наташи» в «сильную, красивую и плодовитую самку» есть «художественная закономерность»: «Наташа с той же страстью отдается служению мужу и семье, с какой раньше танцевала и влюблялась. <...> В отношениях с Пьером она по-прежнему “не удостаивает быть умной”, сохраняет внелогическое понимание мира, каким отличалась и раньше»⁶.

«ВОЙНУ И МИР» НАЗЫВАЮТ РОМАНОМ-ЭПОПЕЕЙ. ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

Именно рассуждая о жанре, Виктор Шкловский называл Толстого «не только великим творцом, но и великим разрушителем старых построений»⁷. Слово «эпопея» означает крупное эпическое повествование; в основе его сюжета, как правило, лежат важные и масштабные исторические события. Если классическая эпопея — это поэтическое произведение (такое как «Илиада» Гомера или «Энеида» Вергилия — или куда менее известные и успешные русские опыты: «Тилемахида»^{*1} Тредиаковского, «Петр

^{*1} Эпическая поэма Василия Тредиаковского о странствиях сына Одиссея, основанная на переводе романа Франсуа Фенелона «Приключения Телемака». Опубликовано в 1766 году. Этой поэмой Тредиаковский вводит в русскую литературу гекзаметр — стихотворный размер «Илиады» и «Одиссеи». «Тилемахида» среди прочего — рассуждение об идеальном монархе, которое пришлось не по вкусу российской императрице, —

Великий»^{*1} Ломоносова или «Россиада»^{*2} Хераскова), то в XIX веке развитие исторического романа связывает этот жанр с прозой, и Толстой выступает здесь главным новатором.

В статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» Толстой так говорил о жанре своего произведения: «Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. “Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». Оправдывая отступление от жанровой системы своего времени, Толстой ссылается на предшественников — Пушкина, Гоголя, Достоевского: «...в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего

из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести». Несмотря на отказ от однозначного жанрового определения, именно «Война и мир», как многие выдающиеся произведения, послужила основой, каноном нового жанра. По замечанию филолога Игоря Сухих, «Война и мир» отвечает критериям эпоса по Гегелю: для немецкого философа цель эпоса — «изображение мира определенного народа»⁸. Хотя «эпопея» — не авторское определение «Войны и мира», оно появляется уже в первых отзывах современников — Николая Данилевского^{*3} и Николая Страхова. В своем дневнике 1863 года Толстой записывает: «Эпический род мне становится один естественен». Его слова о том, что «Война и мир» — «это

Екатерина II заставляла учить отрывки из «Тилемахиды» в наказание за несерьезные проступки и советовала эту поэму как лекарство от бессонницы.

^{*1} «Петр Великий» — незаконченная эпическая поэма Михаила Ломоносова о жизни Петра I. Публиковалась в 1760–1761 годах. Во вступлении и двух песнях речь идет о Стрелецком бунте, церковном расколе и Северной войне. В отличие от Тредиаковского, Ломоносов считал, что содержанием эпической поэмы должны становиться не мифологические, а исторические сюжеты. Иван Шувалов, которому Ломоносов посвятил «Петра Великого», объяснил незавершенность поэмы тем, что «время для фантазии было очень близко».

^{*2} Эпическая поэма Михаила Хераскова о взятии Казани войсками Ивана Грозного. Опубликовано в 1779 году. Программное произведение русского классицизма отличается впечатляющим объемом — больше десяти тысяч стихов. В стране появляется героическая эпопея на отечественном историческом материале, — правда, читать ее из-за громоздкости и помпезности было трудно даже в XVIII веке. Долгие годы вступление «Россиады» заучивалось гимназистами наизусть.

^{*3} Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) — публицист, философ, историк. Главный труд Данилевского — «Россия и Европа», где он рассматривает человечество как совокупность обособленных «культурно-исторических типов». По Данилевскому, нельзя воспринимать историю как единый эволюционный процесс для всех народов, у каждой цивилизации — своя специфика развития, исторический путь России — особый, отличный от европейского. Историк выступал за создание Славянской федерации со столицей в Константинополе.

как «Илиада», показывают, что в глубине души Толстой мог видеть свой роман именно на такой вершине. Критик и исследователь литературного канона Гарольд Блум даже предполагал, что резкая неприязнь Толстого к Шекспиру связана со статусом пьес Шекспира, близким к гомеровскому, — тогда как на такой статус должна была претендовать «Война и мир»⁹. И хотя филолог и философ Владимир Кантор обоснованно называет «Войну и мир» «Анти-Илиадой», поскольку она описывает события «изнутри осажденной Трои»¹⁰, масштаб замысла от этого не меняется.

Помимо огромного масштаба (и текста, и описываемых событий), с гомеровским эпосом «Войну и мир» роднят некоторые приемы. Так, многим героям сопутствуют постоянные эпитеты (глаза у княжны Марьи всегда «лучистые», описывая жену князя Андрея, Толстой никогда не забывает написать о ее «губке с усиками») — как тут не вспомнить «шлемоблещущего Гектора» или «хитроумного Одиссея» из гомеровских поэм. Еще один прием, которым в совершенстве владеют и Гомер, и Толстой, — сложные, развернутые метафоры. Среди примеров в «Войне и мире» — сравнение салона Анны Павловны Шерер с прядельной мастерской, за ходом работы в которой внимательно следит хозяин, или перемена, происходящая с княжной Марьей при появлении Николая Ростова: «Как вдруг с неожиданной поражающей красотой выступает

на стенках расписного и резного фонаря та сложная искусная художественная работа, казавшаяся прежде грубою, темною и бессмысленною, когда зажигается свет внутри: так вдруг преобразилось лицо княжны Марьи».

Писателей следующих поколений, которые ставили перед собой задачу создать универсальное, исключительно масштабное произведение, побуждал к действию именно пример Толстого. Создание советской эпопеи, равновеликой или сравнимой с «Войной и миром», было бы желательным для идеологов СССР. На роль подобных аналогов могли бы претендовать «Хождение по мукам» Алексея Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Жизнь и судьба» Гроссмана. Альтернативной, несоветской попыткой применить толстовский опыт к важнейшим событиям русской истории стало «Красное колесо» Солженицына. Впрочем, либо эти произведения, при всех их достоинствах, кажутся попытками войти в одну реку дважды, либо их авторы не были свободны — так, как был свободен Толстой.

ПОЧЕМУ В РОМАНЕ ТАК МНОГО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЧИ?

Длинные французские пассажи сразу же сбивают с толку читателя, открывающего «Войну и мир» впервые, хотя повсюду Толстой дает перевод.

Употребляя французский язык именно там, где к нему решили прибегнуть его герои, Толстой может показаться гиперреалистом. Однако стоит заметить, что некоторые французские реплики он дает сразу в переводе, не забывая указывать, что они были произнесены по-французски. Более того, случается, что и реплики французов передаются по-русски (выкрик солдата перед боем: «Нет Бонапарте. Есть император!», возглас Наполеона: «Просит подкрепления?»).

Толстого упрекали в том, что к французскому языку он прибегает непоследовательно, и на эти упреки он — в несколько импрессионистской манере — отвечал в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»: «...я желал бы только, чтобы те, которым покажется очень смешно, как Наполеон говорит то по-русски, то по-французски, знали бы, что это им кажется только оттого, что они, как человек, смотрящий на портрет, видят не лицо с светом и тенями, а черное пятно под носом». В «Поэтике композиции» Борис Успенский замечает, что французский язык в романе — «технический прием изображения»: Толстой подчеркивает французское словоупотребление, когда ему надо «дать читателю общее впечатление от его [того или иного персонажа] манеры выражения». Действительно, заставляя Анну Павловну Шерер произносить длинные французские монологи или Жюли

Карагину — писать длинные французские письма, Толстой соблюдает полную достоверность, отсылая к тому воспитанию, которое получили эти люди. Тем комичнее будут впоследствии, во время войны 1812 года, попытки Анны Шерер обойтись без французского в своем салоне. Существуют и французские вкрапления в авторскую речь Толстого: так, рассказывая о том, что завоевание Москвы не давало покоя воображению Наполеона, Толстой называет Москву по-французски: *Moscou*. «Звучит особый язык, не русский и не французский, а иронический, — французский внутри русского, когда иностранное слово воспринимается как цитата в кавычках», — пишет по этому поводу литературовед Ефим Эткинд¹¹.

Некоторые ранние читатели романа жаловались на «плохой французский язык» Толстого.

МОЖНО ЛИ СМОТРЕТЬ НА «ВОЙНУ И МИР» КАК НА СЕМЕЙНЫЙ РОМАН? ЧТО НОВОГО ОН ВНОСИТ В ЭТУ ПРОБЛЕМАТИКУ?

Концепция семейного счастья занимала Толстого всегда (собственно, «Семейное счастье» — название первого его романа), и в «Войне и мире» он еще не считает, что «все счастливые семьи похожи друг на друга». Здесь действуют несколько совершенно непохожих,